

со всѣмъ обаятельнымъ дѣйствиємъ богатой фантазіи, глубокаго чувства и удивительнаго стиха. Все, что было до Пушкина, носило на себѣ печать заимствованія, искусственности; русская поэзія не схватывала чисто русской жизни, еще не умѣла справиться съ чисто-народною русскою рѣчью; со времени Пушкина поэзія вступаетъ въ эту жизнь какъ новая стихія, и возвратъ къ подражанію становится невозможнымъ... Если въ сороковыхъ годахъ, когда едва прошло нѣсколько лѣтъ со смерти Пушкина, внимательный критикъ уже наблюдалъ этотъ переломъ, то позднѣе громадное вліяніе Пушкина становилось еще болѣе ясно. Оно обнаруживалось не тѣмъ, чтобы позднѣйшіе писатели, поэты и романисты становились его подражателями, — такихъ подражателей можно видѣть развѣ только въ его ближайшихъ современникахъ, плеядѣ „меньшихъ поэтовъ“ Пушкинской школы; — напротивъ, высшимъ, наилучшимъ отраженіемъ этого вліянія была дѣятельность писателей, которая шла въ иномъ, новомъ направленіи, открывала новые пути творчества, создавала непохожія на прежнее картины, выражала новыя чувства и настроенія, и носила отзвукъ Пушкина именно въ этомъ свободномъ движеніи впередъ, въ той внутренней силѣ, которая побуждала все глубже проникать въ жизнь народа и общества, въ томъ здоровомъ поэтическомъ складѣ, который съ тѣхъ поръ сдѣлался отличительною чертою русской поэзіи и въ настоящее время бросается въ глаза иностраннымъ наблюдателямъ русской литературы. Этому поэтическому складу даютъ теперь названіе „реализма“, и Пушкинъ — послѣдній романтикъ — есть, безъ сомнѣнія, и первый сильный начинатель реализма въ нашей литературѣ. Итакъ, родственность позднѣйшей литературы съ Пушкинымъ не есть только повтореніе, не есть разработка данныхъ имъ тѣмъ или подражаніе его стилю, а именно живое преемство развитія, гдѣ послѣдующія явленія вытекаютъ изъ предыдущихъ, какъ здоровый ростъ историческаго начала. Дѣйствительно, эти послѣдующія явленія — Гоголь, Лермонтовъ, Тургеневъ, Некрасовъ, Гончаровъ, Толстой и пр. — очень мало напоминаютъ поэтическій стиль Пушкина, но ихъ историческое родство съ нимъ не подлежитъ сомнѣнію. Таково было и ихъ собственное признаніе. Гоголь еще связанъ съ Пушкинымъ непосредственно: Пушкинъ былъ свидѣтелемъ его первыхъ произведеній и горячо ихъ привѣтствовалъ; Гоголь заимствовалъ даже изъ его указаній тѣмы своихъ произведеній; о Пушкинѣ напоминаетъ самый пріемъ его художественнаго творчества — эта глупо-